

Имя Константина Алексеевича Селиванова (1896-1972) известно всем, кому дорог симбирский край. Заслуженный учитель РСФСР, дважды орденносец, журналист, краевед. Окончив Карлинскую школу (Майнский район), затем Казанскую учительскую семинарию, он в 1914 году начал работать сначала учителем русского языка и литературы в родной школе, а со временем стал ее директором. Под его руководством почти 20 лет издавался школьный рукописный журнал "Советская юность", единственный подобный в стране.

К.А. Селиванов – автор литературной карты области и Среднего Поволжья. Принадлежащие его перу книги "Русские писатели в Самаре и Самарской губернии", "Русские писатели в Среднем Поволжье", "Литературные места Ульяновской области" и огромное количество газетных и журнальных публикаций создали ему славу талантливого публициста. О нем писал журнал "Огонек", газеты "Правда", "Советская культура", педагогические издания. Мы же предлагаем познакомиться с воспоминаниями научного сотрудника Ульяновского краеведческого музея Т. А. Громовой, дающей образ Человека и Учителя.

Карлинская средняя школа, фото 60-х гг XX в.

Замечательно, когда в твоей жизни, кроме любящих родителей, появляется Учитель, чей авторитет, образ мыслей помогает найти свой путь и быть счастливым.

Таким учителем для меня в свое время был Константин Алексеевич Селиванов. Я помню его уже молодым, когда он отошел от школьных дел и посвятил себя целиком краеведению и журналистике. Мой отец, Алексей Трофимович Булахов, был его хорошим другом, а я дружила с внучками Константина Алексеевича Наташей и Верой, которые каждый год приезжали на летние каникулы к дедушке и бабушке из Москвы. Я была частым гостем в доме Селивановых. До мельчайших подробностей помню обстановку их просторного дома, где любимым местом для всех приходивших был большой зал, окнами выходящий в сад. Все в нем сверкало чистотой и поражало строгостью – ничего ненужного, безвкусного: буфет, комод, этажерка с книгами, в центре стол и четыре стула, диван с высокой спинкой и тугими валиками, над ним старинная картина в тяжелой раме. Между окон рабочий стол Константина Алексеевича: двухтумбовый, покрытый зеленым сукном, на нем пишущая машинка, кипы бумаг, куча мелочей, необходимых в писательском деле, и неизменный букетик вербы в вазе. Стол был единственным запретным для всех местом в доме. Это был стол творца, историка, краеведа, где каждая бумажка - документ, а ее изъятие – невосполнимая потеря.

Константин Алексеевич всегда собран, подтянут.

Прямая осанка, за стеклами очков - умные глаза, кустистые седые брови, прямые, редко улыбающиеся губы, правильная речь чуть скороговоркой. Он никогда не повышал голос ни на кого, в том числе и на внучек, всегда был строг, хотя и любил их всей душой. Свою любовь выражал в особой внимательности к их внутренней духовной жизни. Внучек он называл в шутку Хорь и Калиныч. "Калинычем" была старшая Наташа, тихая мечтательница, любительница лесных прогулок, "Хорем" – младшая Вера, живая и энергичная, главная бабушкина помощница в домашних делах.

Я выпитывала все, что Константин Алексеевич внушал внучкам. Так, уже с шестого класса я узнала, что надо и не надо читать. "Читайте классиков", – говорил Селиванов, и я зачитывалась Тургеневым, Толстым, Гончаровым. Раз в месяц Константин Алексеевич ходил сам или отправлял нас в сельскую библиотеку, за последними книжными новинками. Связав бечевкой большую стопку книг и журналов, мы по очереди несли их от библиотеки до дома. Селиванов просматривал книги, прочитывал толстые столичные журналы - и непременно делал выписки из того, что особенно понравилось. Впечатлениями о прочитанном чаще всего делился с женой или моим отцом во время их ежедневных вечерних прогулок или бесед на любимой скамеечке у школы.

Константин Алексеевич много работал, писал. Вставал регулярно в шесть утра делал легкую разминку, завтракал и шел на прогулку, которая, веро-

ятно, была для него прелюдией к работе. Прогулки проходили всегда по одному и тому же маршруту: от дома к почте, обогнув холм перед школой, оставшийся от взорванной в 30-е годы церкви, шел опять к дому. Совершив несколько таких кругов, возвращался к себе и работал за письменным столом до обеда. Отдохнув, в три часа снова садился за письменный стол и работал до ужина. После ужина вновь прогулка по тому же маршруту, но уже в компании моего отца и Евдокии Васильевны. Заведенный распорядок нарушался лишь в праздничные и воскресные дни. В такие дни завтракали позже, чем обычно, так как с утра Евдокия Васильевна пекла пироги и любимую всеми творожную ватрушку. Чай пили в неизменных тонких стаканах в тяжелых подстаканниках. Константин Алексеевич считал, что чай в них лучше, чем в фарфоровых чашках хранит аромат.

Селивановы жили довольно уединенно, но в воскресные дни, кроме моего отца, к ним часто заглядывал наш сельский фельдшер Романов, веселый, громогласный, заядлый картежник. В зимние вечера все усаживались вокруг стола в зале и играли парами в карты, в игру, где шестерка била туза, а главной была крестовая дама. Летом игра переносилась в сад, в специально оборудованный уголок отдыха. От улицы и остальной части сада его отгораживали густые кусты акации и сирени. В тени огромной старой яблони стоял стол, две скамьи, стояли легкие кресла-шезлонги. Под ними между двух столбов висел гамак, розовая мечта моего детства. Когда взрослые уходили в дом, мы забирались втроем в гамак и листали подшивки дореволюционного журнала "Нива".

Летом Константин Алексеевич любил ходить в лес, на меловые живописные холмы, вплотную подступившие к селу. В конце июня он собирал всех нас, детей, и мы шли за клубникой. Идти надо было два-три километра до ягодных полей. Он знал их все наперечет. Первым делом мы шли на Софьюшку, пологую, тогда совсем безлесую гору. Как-то он спросил нас, знаем ли мы, почему ее так называют, и тут же рассказал сельскую легенду о красавице Софье, ушедшей искать своего любимого казака, когда того вместе с другими отправили воевать под Азов. "Все село видело, как поднялась Софья на гору и исчезла за ней, больше ее никто никогда не видел. А гору прозвали Софьиной горой". Селиванов знал о родном селе очень много разных историй, собирал и записывал их.

Когда кончались ягоды, маршрут прогулок менялся. По воскресеньям мы шли за цветами "на горы". В середине лета степное разнотравье набирало силу: колокольчики, ромашки, гвоздики пестрели среди ковылей и мятликов. Однажды Константин Алексеевич предложил устроить конкурс букетов. Мы с Верой очень старались, подбирая цветы по росту, но лучшим был признан букет Наташи. Нам тут же объяснили, что полевые цветы должны в букете стоять свободно, вместе с мятликами и ковылями, только тогда можно принести домой частицу душистого травного луга. Этот урок я запомнила на

всю жизнь.

Любимым цветком Константина Алексеевича была гвоздика-травянка. С этим цветком связана трогательная история. Как-то папа записал и услышал услышанную по радио песню "Гвоздичка", а затем исполнил ее на одном из праздничных вечеров. Голос у отца был сильным, красивым, а песня нежной и мелодичной, она запала в душу многим, кто ее услышал. В песне было четыре куплета, и Селиванов, как-то пригласив друга к себе, показал ему сочиненные им новые куплеты, которые начинались словами: "Судьба забросила меня в Карлинское...", а заканчивались строками:

Гвоздичка алая, благоуханная
Растет-цветет в горах, где я брожу,
Мечта неясная, мечта туманная
Зовет-манит, куда - я не скажу.

"Гвоздичка" стала гимном их дружбы и исполнялась при любом удобном случае. Незадолго до смерти Константин Алексеевич как-то с грустью произнес: "Алексей Трофимович, когда меня не будет, исполни в память обо мне "Гвоздичку". В этой песне была их общая любовь к родной земле. Карлинское, сельскую тишину Константин Алексеевич любил самозабвенно, отказывался от предложений переехать в район, область, даже в Москву. Он не понимал прелести морских курортов, санатории и дома отдыха были не для него. "Что может быть лучше скромной прелести наших гор, речки, где еще так дышится?" – говорил он.

Селиванова побаивались и уважали все на селе, обращались к нему с просьбами. Перебои ли с хлебом, перестал ходить рейсовый автобус, замолчало радио – шли с жалобами к нему: "Константин Алексеевич, позвоните районному начальству, Вас они послушают". И он шел, звонил. Как правило, звонки имели действие. В районе с ним считались. Часто к Селиванову приезжали бывшие ученики, журналисты всех мастей, телевидение.

Когда я училась в девятом классе, директор школы попросил Константина Алексеевича вести кружок по литературному краеведению. Не пропуская ни одного занятия, я слушала рассказы краеведа. Говорил он тихо и монотонно, почти без эмоций, но то, что мы слышали, поражало исторической глубиной, достоверностью и обилием фактов, на протяжении всех его часовых монологов лишь скрипели ручки записывающих да широко распахивались наши глаза. И было отчето.

С детства знакомые названия окрестных сел Языково, Аксаково, Анненково, Карамзинка превращались в живых людей: писателей, поэтов, историографов. Рождалось восхищение и чувство гордости за свой край, столь богатый на таланты.

С этим чувством я живу и поныне, часто вспоминая Константина Алексеевича Селиванова, открывшего мне тайну живой любви к своему Отечеству.

Фото из семейного архива Т.А. Громовой